

«Интересы научных исследований отдельных частей Союза будут полностью обеспечены»: Конституция 1924 года и управление советской наукой¹

МАРИНА
ОКУНЕВА

Одним из неоспоримых достижений эпохи СССР считалась – и считается – советская наука. Но, констатируя это, стоило бы обратить внимание на вопрос, который редко привлекает исследователей: каким образом, собственно, советская система организации науки превращалась в общесоюзную? Порой в этой характеристике видится нечто изначально ей присущее. Между тем после образования СССР вопрос об организации управления наукой, а также о сотрудничестве и подчиненности научных учреждений союзных республик решался в ходе достаточно острый дискуссий, идеально вписывавшихся в процесс так называемого «федеративного торга».

СОВЕТСКАЯ НАУКА ПОЯВЛЯЕТСЯ НА СВЕТ

Формально разграничение полномочий между СССР и союзными республиками, регулирующих управление наукой, долгое время нигде не закреплялось. Ни в Договоре об образовании СССР (1922), ни в Конституции СССР (1924) вопрос о том, как центральные и республиканские власти должны управлять своей наукой, не ставился и не решался. Компетенция высших органов государственного управления также не позволяла делать однозначные выводы на этот счет: если народное просвещение было отнесено к исключительному ведению республик, то народное хозяйство принадлежало к вопросам совместного ведения². В частности, в РСФСР на момент учреждения СССР органы управления наукой одновременно вписывались в струк-

Марина Олеговна
Окунева – старший науч-
ный сотрудник Центра
истории российской
науки и научно-техно-
логического развития
Российского государст-
венного гуманитарного
университета.

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (грант № 20-78-10095-П).
² См. статьи 11, 18 и 19 Договора об образовании СССР 1922 года, а также статьи 52 и 67 Конституции СССР 1924 года.

МАРИНА ОКУНЕВА

«ИНТЕРЕСЫ НАУЧНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ОТДЕЛЬНЫХ
ЧАСТЕЙ СОЮЗА БУДУТ
ПОЛНОСТЬЮ ОБЕСПЕЧЕНЫ»...

туры управления как народным хозяйством, так и народным образованием. С одной стороны, зарождавшиеся отраслевые научно-исследовательские институты, обслуживавшие нужды промышленности, оказались под началом Высшего совета народного хозяйства в лице его научно-технического отдела. С другой стороны, академическая и вузовская наука пребывала в подведомственности органов, руководивших образованием: структурных подразделений Народного комиссариата просвещения РСФСР в лице его Главного управления научных и научно-художественных учреждений (Главнауки) и Государственного ученого совета³. При Совете народных комиссаров РСФСР был образован Особый временный комитет науки, к компетенции которого относились вопросы, «имеющие общее значение для постановки и развития всего научно-ученого дела в целом», а также налаживание «более тесной связи между наукой и производственной жизнью Республики»⁴. Поставленная властями задача укрепления смычки между наукой и производством оказалась ключевым фактором, который в дальнейшем способствовал тому, что управление наукой было передано из сферы народного просвещения в сферу народного хозяйства.

{ Скудость научного поля практически сразу задала большевикам политическую цель: нужно было едва ли не с нуля создать республиканскую науку.

В союзных республиках на момент образования СССР число научных учреждений было незначительно, а собственная академия наук имелась только в одной из них: в Украинской ССР с 1918 года работала Всеукраинская академия наук (ВУАН)⁵. В прочих республиках научная деятельность ограничивалась стенами университетов и других высших учебных заведений, а также единичных отраслевых НИИ. В структуре высших органов государственного управления союзных республик за управление наукой, как и в РСФСР, отвечали главные управления научных и научно-художественных учреждений (главнауки) республиканских наркоматов просвещения⁶. Эта скудость научного поля практически сразу задала большевикам политическую цель: нужно было едва ли не с нуля создать республиканскую науку. Особенно бурными темпами на про-

3 Грибовский М.В., Дежина И.Г., Долгова Е.А. и др. *Наука большой страны: советский опыт управления*. М.: РГГУ, 2023. С. 80–86.

4 *Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925): сборник документов* / Ответ. ред. К.В. Островитянов. Л.: Наука, 1968. С. 68–69.

5 Долгова Е.А., Стрельцова Е.А. *Наука в СССР: о чем говорит статистика?* М.: РГГУ, 2023. С. 10.

6 Глухарев Н.Н. *Поиск форм общегосударственного управления наукой в СССР во второй половине 1920-х гг.* // Наука и школа. 2010. № 6. С. 150.

тяжении 1920-х в СССР развивался отраслевой сектор, на долю которого к концу десятилетия приходились 32% научных организаций⁷. Соответственно, подъем экономики требовал сконцентрированного расширения сети исследовательских центров, а также их рационального размещения на территории страны⁸.

Хотя при обсуждении Договора об образовании СССР и проекта союзной Конституции об управлении наукой вообще не упоминали, практически сразу после принятия Основного закона возник первый повод затронуть эту тему. В 1924 году в связи с упразднением Особого временного комитета науки при СНК РСФСР необходимость разрешить чисто административный на первый взгляд вопрос – какой Совнарком, российский или союзный, должен ликвидировать упомянутое учреждение – спровоцировала напряженную дискуссию между вице-президентом Академии наук, математиком Владимиром Стекловым, и редактором-консультантом СНК СССР неким Бернштейном. В центре внимания спорящих оказался вопрос о конституционности существования общесоюзного органа управления наукой⁹. «Федералистская» позиция Бернштейна основывалась на буквальном толковании только что принятой Конституции СССР, которая не предусматривала создания объединенного Наркомпроса и относила к компетенции Союза лишь установление общих начал народного просвещения. С этой точки зрения учреждение предлагаемого Стекловым постоянного Комитета науки при СНК СССР выглядело «конституционно неправильным»¹⁰.

Позиция вице-президента Академии наук основывалась на констатации народнохозяйственного значения проводимых исследований, «имеющих важные практические применения к хозяйственному и экономическому строительству Союза ССР». Отталкиваясь от нее, Стеклов делал вывод, согласно которому «такого рода исследования выходят из ведомства Наркомпроса и носят характер вне- или междуведомственный, затрагивают по преимуществу интересы других наркоматов». Соответственно, регулирование работ, производимых на всей территории СССР и выходящих за рамки компетенции отдельных (необъединенных) союзных наркоматов, было возможно, по мнению академика, только на уровне общесоюзного органа управления. С точки зрения Стеклова, необходимо было централизовать и руководство международным сотрудничеством советских науч-

МАРИНА ОКУНЕВА

«ИНТЕРЕСЫ НАУЧНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ОТДЕЛЬНЫХ
ЧАСТЕЙ СОЮЗА БУДУТ
ПОЛНОСТЬЮ ОБЕСПЕЧЕНЫ»...

7 Долгова Е.А., Стрельцова Е.А. Указ. соч. С. 9.

8 Кольцов А.В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР. 1917–1961 гг. Л.: Наука, 1988. С. 16.

9 Армашова А.В., Максимова Д.Д., Максимова О.Д., Окунева М.О. Правовая политика Советского государства в сфере развития науки. М.: Ленанд, 2022. С. 79–83.

10 Заключение редактора-консультанта СТО и СНК СССР Бернштейна по докладной записке академика В.А. Стеклова. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 37. Д. 7. Л. 151–151 об.

МАРИНА ОКУНЕВА

«ИНТЕРЕСЫ НАУЧНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ОТДЕЛЬНЫХ
ЧАСТЕЙ СОЮЗА БУДУТ
ПОЛНОСТЬЮ ОБЕСПЕЧЕНЫ»...

ных организаций¹¹. Хотя по итогам обсуждений единый межотраслевой общесоюзный орган, управляющий всеми научными учреждениями страны, на свет не появился (вместо него был учрежден Отдел научных учреждений СНК СССР, к функциям которого отнесли управление международным научным сотрудничеством), в этой дискуссии достаточно ярко проявилась позиция руководства Академии наук.

Научная деятельность централизуется

Во второй половине 1920-х сложилась система, которая сочетала в себе государственные органы управления наукой на уровне союзных республик и сосуществующие с ними общесоюзные органы с ограниченной компетенцией, находящиеся в подчинении Совета народных комиссаров СССР и Центрального исполнительного комитета (ЦИК)¹². Тем не менее на фоне общего тяготения к централизации, отражавшего дух эпохи, продолжали выдвигаться предложения учредить общесоюзный орган управления наукой и передать наиболее важные научные учреждения под непосредственное управление общесоюзной власти. Так, в апреле 1925 года в СНК РСФСР была подана докладная записка Главнауки и Наркомпроса РСФСР о необходимости создать при СНК СССР Комитет по делам науки¹³, а в ходе Всесоюзной конференции глав наук республиканских наркоматов просвещения, состоявшейся в 1926 году, озвучивалась идея учредить общесоюзный орган управления наукой при СНК СССР¹⁴.

В записке Главнауки и Наркомпроса РСФСР содержалось достаточно подробное обоснование причин, по которым систему научных исследований в СССР надо передать под общесоюзное управление:

«Необходимость координации и, в некоторых случаях, полного объединения деятельности наркомпросов отдельных республик по научно-исследовательской линии вызывается: а) интересами самого исследовательского дела; б) интересами народного хозяйства, заинтересованного в объединенном плановом научном изучении культурных и хозяйственных ценностей всего Союза; в) неизбежностью выступлений на международных съездах, совещаниях и т.п. от имени всего Союза».

11 Докладная записка вице-президента Академии наук академика В.А. Стеклова Председателю СНК об организации Постоянного комитета науки при СНК СССР вместо Особого временного комитета науки. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 37. Д. 7. Л. 181, 180.

12 ГЛУХАРЕВ Н.Н. Указ. соч. С. 150.

13 Здесь и далее цит. по: Докладная записка Наркомпроса и Главнауки в СНК РСФСР о необходимости создания при СНК СССР Комитета по делам науки // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925)... С. 76–78.

14 ГЛУХАРЕВ Н.Н. Указ. соч. С. 150.

Кроме того, продолжали авторы документа, общесоюзный статус «некоторых наиболее важных научных учреждений» обеспечил бы как «планомерное и систематическое построение их научной работы», так и улучшение их финансирования, что крайне актуально во времена восстановления экономики после разрухи. В качестве антитезы в записке приводится печальный опыт передачи серьезного научного учреждения – заповедника имени Христиана Раковского (прежде «Аскания-Нова») – под управление местных органов власти: «Этот ценнейший памятник природы из научно изучаемого и охраняемого учреждения мирового значения был превращен в простой совхоз и пришел, вследствие неумелой его эксплуатации, в катастрофическое состояние». Подчеркивалось, что общесоюзный статус важнейших научных учреждений также был бы в интересах союзных республик: «Деятельность таких мощных научных центров, обслуживающих сейчас лишь какую-либо одну из входящих в Союз республик, распространилась бы и на другие республики, обогащая их научными силами и обслуживая их жизненные интересы». Наконец, необходимым признавалось и централизованное руководство международным научным сотрудничеством: «Связь СССР с заграницей настолько окрепла, что возникает настоятельная необходимость Союзу ССР, как единому целому, вновь возобновить прерванные сношения с международными научными объединениями».

Наркомпрос РСФСР предлагал создать орган, который координировал бы научную деятельность учреждений разных республик Союза – Комитет по делам науки при СНК СССР. К задачам этой структуры Наркомпрос относил: а) согласование вопросов научной деятельности, затрагивающих интересы нескольких республик; б) организацию научного представительства СССР в международных сношениях; в) общий контроль над деятельностью научных учреждений всесоюзного значения. Предлагаемый орган предполагалось составить из представителей отдельных республик во главе с председателем, назначаемым Совнаркомом СССР персонально¹⁵.

В 1925 году вопрос об общесоюзном (и республиканском) статусе научных учреждений и распределении полномочий по управлению ими вновь вышел на первый план в связи с обсуждением статуса Академии наук. После революции петроградская Академия была преобразована из Императорской в Российскую, оставаясь таковой и после образования СССР. Двухсотлетний юбилей научного учреждения давал повод не только для масштабного празднования, но и для обновления устава Академии – которая продолжала работать на основании

МАРИНА ОКУНЕВА
«ИНТЕРЕСЫ НАУЧНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ОТДЕЛЬНЫХ
ЧАСТЕЙ СОЮЗА БУДУТ
ПОЛНОСТЬЮ ОБЕСПЕЧЕНЫ»...

¹⁵ Докладная записка Наркомпроса и Главнауки в СНК РСФСР... С. 76–78.

МАРИНА ОКУНЕВА

«ИНТЕРЕСЫ НАУЧНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ОТДЕЛЬНЫХ
ЧАСТЕЙ СОЮЗА БУДУТ
ПОЛНОСТЬЮ ОБЕСПЕЧЕНЫ»...

дореволюционной, пусть и измененной, версии, – а также соответствующего пересмотра ее статуса. В феврале 1925 года Академия наук представила в Совнарком записку, в которой обосновывалась целесообразность подчинения ее высшему государственному общесоюзному органу – СНК СССР¹⁶. Наркомпрос РСФСР в записке наркома Анатолия Луначарского и председателя Главнауки Федора Петрова поддержал позицию Академии в части придания ей «значения всесоюзного органа», но, «по соображениям идеологическим, плановым и организационным», потребовал оставить ее в сети учреждений Наркомпроса РСФСР¹⁷.

В обсуждении проекта нового Устава участвовали представители не только самой Академии наук, но и республиканских правительств, парторганизаций, заинтересованных ведомств. Приоритетным сюжетом выступал поиск оптимального разграничения предметов ведения союзных и республиканских органов власти, а это, естественно, напрямую затрагивало права союзных республик¹⁸. В контексте бурных споров о суверенитете и объеме прав членов Союза ССР, имевших место в недавнем прошлом, когда федерация только-только создавалась, республики обращали особо пристальное внимание на все решения, способные затронуть в будущем их права. По этой причине в создании общесоюзных органов управления республиканские власти усматривали вмешательство в свои внутренние дела¹⁹. Отдельное политическое значение приобретала также тема взаимодействия с Всеукраинской академией наук: заинтересованным сторонам было понятно, что предстоящая трансформация российской Академии во всесоюзную будет означать ту или иную форму подчинения ВУАН союзным структурам. В этой связи отдельные члены ЦК Коммунистической партии Украины в том же 1925 году протестовали против ожидаемых решений, настаивая на том, что изменение статуса «ленинградской академии политически несообразно». Раздражение вызывал и повод переименования; на этот счет резко высказался нарком просвещения УССР (и в будущем академик ВУАН) Владимир Затонский, заявивший, что «нельзя начать передергивать нашу общественную систему из-за двухсотлетия»²⁰. Наконец, в глазах некоторых передача академии с республиканского на союзный уровень – из ведения Наркомпроса РСФСР в ведение СНК или ЦИК СССР – в организационном плане означала отрыв науки от образования²¹.

16 Армашова А.В., Максимова Д.Д., Максимова О.Д., Окунева М.О. Указ. соч. С. 102.

17 Там же. С. 103–104.

18 Грибовский М.В., Дежина И.Г., Долгова Е.А. и др. Указ. соч. С. 228.

19 Глухарев Н.Н. Указ. соч. С. 149–151.

20 Грибовский М.В., Дежина И.Г., Долгова Е.А. и др. Указ. соч. С. 228.

21 Там же.

В марте 1925 года вопрос о придании Академии наук всесоюзного статуса был вынесен на обсуждение фракции РКП(б) III сессии ЦИК СССР второго созыва, где решение о ее переименовании во Всесоюзную было одобрено большинством голосов после исключительно горячей дискуссии. Представители УССР и некоторые представители Наркомпроса РСФСР категорически противились признанию Академии высшим ученым учреждением СССР. Заместитель наркома юстиции РСФСР Николай Крыленко напоминал:

«[Конституция СССР] запрещает распространительно толковать в общесоюзном масштабе те отрасли культурной и просветительской работы, которые Конституцией и решением партии переданы в учреждение и управление республик. Вытекает тенденция [...] о том, чтобы [необъединенным наркоматам. – М.О.] превратиться в общесоюзный наркомат. Этой тенденции должен быть положен конец»²².

Секретарь ЦИК СССР Авель Енукидзе в свою очередь замечал:

«Украинцы по всякому поводу, что бы мы ни создали, всегда возражают и приводят национальные соображения, которые совершенно не связаны с действительными опасениями, [...] а Конституцию мы всегда можем дополнить, расширить».

} Представители УССР и некоторые представители
Наркомпроса РСФСР категорически противились
признанию Академии высшим ученым учреждением
СССР.

Вместе с тем компартии некоторых других союзных республик поддержали предлагаемое решение о переименовании²³. И если председатель СНК ЗСФСР Иван Орахелашвили мягко указывал, что речь идет «только о признании того, что сейчас есть», то председатель СНК Грузии Шалва Элиава высказался гораздо резче:

«Каждая республика полагает, что она будет развивать свою собственную науку. Это чепуха, вздор. Наука не бывает русской, грузинской или армянской. Наука не терпит этих границ, а маленькие республики ввиду того, что у них ограниченные материальные возможности, не могут питать таких учреждений»²⁴.

²² Армашова А.В., Максимова Д.Д., Максимова О.Д., Окунева М.О. Указ. соч. С. 107–108.

²³ Там же. С. 105–110.

²⁴ Там же. С. 109–110.

МАРИНА ОКУНЕВА
«ИНТЕРЕСЫ НАУЧНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ОТДЕЛЬНЫХ
ЧАСТЕЙ СОЮЗА БУДУТ
ПОЛНОСТЬЮ ОБЕСПЕЧЕНЫ»...

МАРИНА ОКУНЕВА

«ИНТЕРЕСЫ НАУЧНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ОТДЕЛЬНЫХ
ЧАСТЕЙ СОЮЗА БУДУТ
ПОЛНОСТЬЮ ОБЕСПЕЧЕНЫ»...

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ

Но на упомянутой сессии ЦИК СССР, прошедшей в марте 1925 года, не удалось разрешить другой проблемный вопрос – о статусе Академии наук. В июне того же года Алексей Рыков подал в ЦК ВКП(б) записку, в которой докладывал о ходе и результатах обсуждения:

«Ввиду приближения 200-летнего юбилея Академии наук и необходимости к этому моменту утвердить устав академии я предлагал обменяться на фракции мнениями по этому вопросу, наметить принципиальное решение его, предопределить, что Всесоюзная академия будет учреждением при ЦИК или СНК Союза, не будет иметь никаких административных прав и что интересы научных исследований отдельных частей Союза, в особенности наиболее отсталых, будут полностью обеспечены»²⁵.

По итогам положительного решения вопроса в партийной фракции Рыков просил ЦК вынести решение на утверждение высших органов власти. Разобраться с этим вопросом скорейшим образом нужно было для того, чтобы принять новый устав Академии. 8 июля последовало решение Политбюро ЦК ВКП(б) о переименовании Академии наук во Всесоюзную. В нем отмечались мотивы, побудившие изменить статус:

«Ввиду того, что Академия наук обслуживала до сего времени только Великороссию, и для того, чтобы сделать ее орудием поднятия науки и культуры всех, особенно отсталых наций, признать необходимым преобразование ее во Всесоюзную, обеспечив в ней сотрудничество всех национальных республик».

Следующим пунктом того же документа решался «украинский вопрос»: партийное руководство требовало «обеспечить сохранение независимости молодой Украинской академии, которой Всесоюзная академия должна всемерно помогать в ее развитии». Для разработки проекта устава Академии и иных вопросов ее организации была создана комиссия «из народных комиссаров по просвещению всех союзных республик», председателем которой стал Рыков²⁶.

К 1925 году в составе Советского Союза были уже шесть союзных республик: РСФСР, БССР, УССР, ЗСФСР, Узбекская ССР и Туркменская ССР (две последние появились после национально-государственного размежевания в Средней Азии, прошедшего в 1924–1925 годах). Все они приняли участие в разработке про-

²⁵ О переименовании Академии наук во Всесоюзную. 8 июля 1925 г. (ПБ от 2.VII. 25 г., пр. № 69, п. 9.) (т.т. Рыков, Каганович, Луначарский) // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. 1922–1991 / Сост. В.Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1 (1922–1952). С. 38.

²⁶ Там же. С. 37–38.

екта устава Академии наук СССР, представив в марте 1926-го свои заключения. Надо сказать, что мнения республиканских властей совпадали не во всем. Если ЗСФСР и Туркменская ССР вообще на имели возражений против предложений центра, то отклик Узбекской ССР указывал на то, что проект нуждается в уточнениях: во-первых, следует разобраться, на каком принципе – единонаучности или коллегиальности – лучше выстроить управление административной, финансовой и хозяйственной деятельностью Академии; во-вторых, «в полном соответствии с Конституцией и постановлением о присвоении Академии наук всесоюзного значения необходимо в статьях 15, 16 и 38 заменить слово “русский” словами “ученый СССР”»²⁷. Что касается украинцев, то постоянное представительство УССР «виду того, что вопрос об утверждении Устава Академии наук СССР имеет весьма важное значение», сочло необходимым направить обсуждаемый документ на отзыв украинскому правительству²⁸.

По итогам обсуждения в административно-финансовой комиссии СНК СССР 23 марта 1926 года постоянным представительствам республик было предложено представить заключения своих правительств – республиканских Советов народных комиссаров – по проекту устава Всесоюзной академии наук²⁹. Содержание этих отзывов свидетельствует, что наибольший интерес для субъектов федерации представляли вопросы, касающиеся обеспечения их собственных интересов, а также взаимодействия всесоюзной Академии и ее научных учреждений с республиканскими властями. В проекте 1925 года, согласованном с самой Академией, предусматривался следующий порядок координации:

«Академия наук по всем своим делам сносится непосредственно с наркоматами и другими учреждениями СССР и союзных республик, а по вопросам, требующим разрешения высшего Правительства, – выходит через Управление делами СНК СССР»³⁰.

Некоторым республикам привязка Академии к республиканской проблематике представлялась недостаточной. В частности, правительство ЗСФСР указывало:

«Прежде всего необходимо в большей степени, чем это сделано в проекте, обеспечить связь научной работы Академии с наркомпросами союзных республик, отсутствие этой связи в особенности чувствуется в статьях 3, 8, 64 и 72. Необходимо ее обеспечить,

27 Заключения ведомств по проекту Устава Всесоюзной Академии Наук. ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 1. Д. 231. Л. 9–9 об.

28 Там же.

29 Там же. Л. 19.

30 Записка А.И. Рыкова в Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 апреля 1927 г. об уставе Академии наук // Академия наук в решениях Политбюро... С. 48–52.

МАРИНА ОКУНЕВА
«ИНТЕРЕСЫ НАУЧНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ОТДЕЛЬНЫХ
ЧАСТЕЙ СОЮЗА БУДУТ
ПОЛНОСТЬЮ ОБЕСПЕЧЕНЫ»...

МАРИНА ОКУНЕВА

«ИНТЕРЕСЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ОТДЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ СОЮЗА БУДУТ ПОЛНОСТЬЮ ОБЕСПЕЧЕНЫ»...

принципиально ее установив в специальной статье проекта. В то же время научные учреждения, стоящие при Академии наук и находящиеся на территории отдельных республик, – должны быть подчинены правилам, которые выработаны для научно-исследовательских учреждений этой республики. С другой стороны, Всесоюзная академия должна быть не только связана с наркомпросами союзных республик, но и со всей культурной работой, которая производится в последней. При производстве научных, исследовательских и экспедиционных действий в пределах республик Академия должна использовать культурные силы этих последних, на чем особенно настаивает Армения. После статьи 9 должна быть вставлена статья, предоставляющая по соглашению Академии наук с совнаркомами союзных республик открывать ее отделения в этих республиках, причем последние должны работать как под руководством Академии, так и местных наркомпросов»³¹.

Правительство УССР не возражало против принятия проекта, но только при условии внесения ряда изменений, касающихся взаимоотношений Академии наук СССР с республиканскими органами власти и управления. В частности, предлагалось закрепить право Академии наук «по всем своим делам относиться непосредственно с наркоматами и другими учреждениями СССР и вносить свои запросы на непосредственное разрешение высших правительственные органов СССР и союзных республик», а также дополнить проект устава статьей следующего содержания: «План деятельности Академии наук согласуется Президиумом Академии наук с наркомпросами Союзных республик»³².

Как ни странно, наиболее резкая критика последовала со стороны правительства БССР. В его заключении проект Устава объявлялся «неприемлемым», а в числе мотивов такого суждения указывалось следующее:

«Из общих положений устава неясны задачи Всесоюзной академии как учреждения, которое должно содействовать советскому социалистическому строительству и в своей структуре отражать особенности этого строительства. [...] Проект Всесоюзной академии наук не признает на территории Союза других национальностей, кроме русских, так как только для них вместе с иностранцами открыты двери Академии наук. [...]»

[Чтобы] Устав Академии наук СССР и ее структура действительно соответствовали назначению Академии как всесоюзного учреждения для того, чтобы она одинаково обслуживала все советские республики, строя работу на их самодеятельности, и способствовала общему стремлению их в направлении советского социалистического строительства, Всесоюзная академия наук должна быть построена на следующих основаниях:

31 Заключения ведомств по проекту Устава Всесоюзной академии наук. ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 1. Д. 231. Л. 19.

32 Там же. Л. 19–20 об.

а) Академия наук СССР является учреждением, обслуживающим весь Союз ССР и его отдельные республики путем 1) разработки научных вопросов республиканского, всесоюзного и всемирного значения; 2) координирования работы Академий союзных республик, когда она по общему плану проводится по всему Союзу, причем выдающимся ученым национальных республик должна быть предоставлена возможность вести в кабинетах, библиотеках и учреждениях Всесоюзной академии при благоприятных условиях работу по изучению того или иного научного вопроса в республиканском масштабе;

б) [Свою] работу [...] Всесоюзная академия наук проводит или через республиканские академии наук и соответствующие им учреждения, или через свои учреждения в контакте с республиканскими академиями и соответствующими учреждениями;

в) Академия наук состоит при ЦИК СССР;

г) Для общего управления Академией наук СССР из представителей союзных республик и их академий или соответствующих им учреждений образуется Комитет Академии наук СССР»³³.

МАРИНА ОКУНЕВА
«ИНТЕРЕСЫ НАУЧНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ОТДЕЛЬНЫХ
ЧАСТЕЙ СОЮЗА БУДУТ
ПОЛНОСТЬЮ ОБЕСПЕЧЕНЫ»...

УСТАВ ПРИНЯТ

С учетом замечаний правительства союзных республик проект был доработан и представлен на утверждение в Политбюро ЦК ВКП(б) 6 апреля 1926 года, а затем передан на утверждение СНК СССР³⁴. В действие, однако, его ввели только в следующем году. В тексте Устава 1927 года часть поправок, предложенных правительствами республик, не нашла своего отражения, поскольку документ в основном был сосредоточен на регулировании внутренней организации Академии, а не на вопросах ее взаимодействия с республиканскими органами. Наиболее радикальные предложения по созданию союзно-республиканских органов управления Академией также не были приняты. Тем не менее в «Общие положения» было включено указание на общесоюзный статус и ее подчинение СНК СССР: «Академия наук Союза ССР есть высшее ученое учреждение Союза ССР, состоящее при Совете народных комиссаров Союза ССР, которому она ежегодно представляет отчет о своей деятельности», – говорилось в статье 1 Устава. В числе задач Академии значилось приспособление научных теорий и результатов научных опытов и наблюдений «к практическому применению в промышленности и культурно-экономическом строительстве Союза ССР» (пункт «в» статьи 2), а при проведении научно-экспедиционной работы требовалось учитывать «нужды и пожелания союзных республик» (статья 3). В Уставе 1927 года впервые

³³ Там же.

³⁴ Академия наук в решениях Политбюро... С. 52.

МАРИНА ОКУНЕВА

«ИНТЕРЕСЫ НАУЧНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ОТДЕЛЬНЫХ
ЧАСТЕЙ СОЮЗА БУДУТ
ПОЛНОСТЬЮ ОБЕСПЕЧЕНЫ»...

появился отдельный раздел, в котором перечислялись особые права Академии наук Союза ССР, позволявшие ей непосредственно взаимодействовать со всеми учреждениями страны. Исходя из того, что за Академией наук закреплялась ведущая роль в развитии науки в Советском Союзе, Устав требовал согласовывать ее планы с правительствами союзных республик, а потом утверждать их в СНК СССР³⁵.

Таким образом, после образования СССР в ходе зачастую весьма напряженного торга федерального центра с союзными республиками постепенно складывалась советская система организации науки. Управление научной деятельностью в ее рамках относилось к совместному ведению СССР и субъектов федерации: в каждом из трех секторов советской науки выделялись два уровня подчинения научных учреждений – общесоюзный и республиканский. Такая система сохранялась вплоть до распада СССР. Более того, такой подход был воспринят и в процессе разграничения предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов, получившем закрепление в Конституции 1993 года.

35 Подробнее см.: *Устав Академии наук Союза Советских Социалистических Республик. 1927 год // Уставы Академии наук / Ответ. ред. Г.К. Скрябин. М.: Наука, 1975. С. 120–129.*